

РЫЖИЙ

Средневековая иконография Иуды

Иуда — рыжий, как все предатели, и по-другому быть не может. Вот только рыжим он стал не сразу, а со временем — с конца каролингской эпохи на изображениях, а затем, с XII века, и в текстах. Так, примкнув к Каину, Далиле, Саулу, Ганелону, Мордреду и некоторым другим, он вошел в узкий круг знаменитых предателей и изменников, которых средневековая традиция привычно отмечала рыжей шевелюрой или бородой.

Предательство на Западе и впрямь с давних пор имеет свои цвета, или, вернее, свой цвет, который располагается между красным и желтым, от каждого из них заимствует отрицательные свойства и, объединяя их, не просто символически удваивает их силу, а как будто бы увеличивает ее в геометрической прогрессии. Эта помесь дурного красного с дурным желтым мало общего имеет с нашим *оранжевым* — к тому же последний цветовой оттенок и концепт был практически незнаком средневековому сознанию, в отличие от более темного и насыщенного тона: рыжего — цвета, связанного с бесами, лисами, лицемерием, обманом и предательством. В средневековом рыжем цвете всегда больше красного, чем желтого, и этот красный не сияет как алый цвет, наоборот — это тусклый и матовый оттенок, напоминающий пламя преисподней, которое горит, но не светит.

Иуда и другие

Ни в одном каноническом тексте Нового Завета и даже ни в одном библейском апокрифе о внешности Иуды ничего не гово-

рится. Поэтому в раннехристианском, а затем раннесредневековом искусстве Иуда не обладает какими бы то ни было специфическими чертами или атрибутами. В изображениях Тайной вечери художники тем не менее старались выделить его на фоне других апостолов с помощью какого-нибудь отличительного признака — местоположения, роста, позы, особенностей волосяного покрова. Образ рыжеволосого Иуды появляется и получает распространение только в эпоху Карла Лысого, во второй половине IX века, сначала на миниатюрах, затем на изображениях другого типа (илл. 1 и 2); процесс этот шел постепенно. Данная иконографическая традиция, возникшая в прирейнских и мозанских областях, мало-помалу завоевывает значительную часть Западной Европы (однако в Италии и Испании она долгое время будет оставаться менее распространенной, чем в других странах). Затем, начиная с XIII века, рыжая шевелюра, часто в сочетании с рыжей бородой, становится в эмблематическом арсенале Иуды основным и самым распространенным атрибутивным признаком (илл. 3–5)³⁸¹.

Таких признаков, впрочем, предостаточно: маленький рост, низкий лоб, зверская или перекошенная гримаса, темная кожа, крючковатый нос, мясистые, черные (из-за предательского поцелуя) губы, отсутствие нимба или нимб опять-таки черного цвета (например, у Джотто*), желтый плащ, бессмысленные или, наоборот, наделенные тайным смыслом жесты, в руке краденая рыба или кошелек с тридцатью сребрениками, в рот лезут бес или жаба, у ног собака. Иуда, как и Христос, должен быть четко опознаваем. Каждая эпоха награждала его своим набором атрибутов, из которого всякий художник мог свободно выбирать именно те, что наилучшим образом соответствовали его иконографическим задачам, художественным целям или символическим замыслам³⁸². Тем не менее начиная с середины XIII века один атрибут присутствует в изображениях почти всегда: рыжая шевелюра.

* В изображении Тайной вечери в капелле дель Арена в Падуе. Черный нимб, обрамляющий рыжую шевелюру апостола-предателя, мы также видим у Фра Анджелико в изображении Тайной вечери в монастыре Сан-Марко во Флоренции.

Иуда не единственный. В искусстве позднего Средневековья целый ряд предателей, изменников и мятежников подчас, или даже зачастую, имеют рыжие волосы. Например, Каин (*илл. 6*), который в системе типологических соответствий между символикой Ветхого и Нового заветов, почти всегда представляется прообразом Иуды³⁸³. Затем Ганелон, предатель из «Песни о Роланде», который из мести и зависти, без всяких колебаний отправляет Роланда (кстати, своего сородича) и его соратников на верную гибель³⁸⁴. Далее — Мордред, предатель из легенды о короле Артуре: сын короля Артура, родившийся от кровосмесительной связи, который предает отца, и это предательство влечет за собой крушение королевства Логрии и закат рыцарского мира Круглого стола. А еще мятежные бароны из эпических преданий или куртуазных романов³⁸⁵. Сенешали, прево и бальи, которые стремятся занять место своего сеньора. А также сыновья, восставшие против отцов, братья-клятвопреступники, дядья-узурпаторы, жены-прелюбодейки. И, наконец, — все те, кто в житийной литературе или народной традиции занимается бесчестным или запретным делом и тем самым нарушает установленный порядок: палачи, проститутки, ростовщики, менялы, фальшивомонетчики, жонглеры, шуты; к ним также следует добавить представителей трех низких профессий, ставших героями сказок и устных преданий: кузнецы, которые считаются колдунами; мельники, которые всегда представлены скупцами и спекулянтами; мясники, неизменно жестокие и кровожадные, как мясник из легенды о святом Николае³⁸⁶.

Конечно, далеко не на всех изображениях XIII, XIV и XV веков, сохранившихся в количестве нескольких десятков тысяч, все эти персонажи обязательно рыжие. Однако рыжий цвет волос является одной из их самых заметных иконографических или идентификационных особенностей, так что постепенно рыжая шевелюра становится приметой и других категорий изгоев и отщепенцев: еретиков, евреев, мусульман, цыган, ханжей, прокаженных, калек, самоубийц, попрошайек, бродяг, нищих и всякого рода деклассированных персонажей. Рыжие волосы в изображениях соседствуют в таких случаях с вестиментарными атрибутами и знаками отличия красного или желтого цветов, которые начиная с XIII века в некоторых городах и областях Западной

Европы на самом деле должны были носить представители этих слоев общества. Отныне рыжая шевелюра становится главным иконографическим знаком отверженности или позора.

Цвет инаковости

В конце Средних веков позорное клеймо рыжины вовсе не является чем-то новым. Напротив, на средневековом Западе этот символ был издавна известен и широко использовался. Восходит он, по всей видимости, сразу к трем источникам — библейской, греко-римской и германской традициям.

На самом деле, в Библии ни Каин, ни Иуда не обладают рыжей шевелюрой, зато рыжие волосы есть у других персонажей, и это, за одним исключением, в том или ином отношении персонажи отрицательные. Прежде всего это Исав, брат-близнец Иакова, про которого в книге Бытия говорится, что с самого рождения он был «рыжим и волосатым как медведь³⁸⁷». Грубый и безудержный Исав без раздумий продает брату право первородства за миску чечевицы и, несмотря на раскаяние, оказывается лишен отеческого и мессианского благословения и вынужден покинуть землю обетованную*. Затем Саул, первый царь Израиля; в конце своего правления он начинает испытывать к Давиду болезненную зависть, которая доводит его до безумия и самоубийства³⁸⁸. Наконец, Каиафа, первосвященник Иерусалимский, который возглавляет Синедрион во время суда над Иисусом; под стать ему рыжие драконы и кони Апокалипсиса, которые, как и он, являются созданиями Сатаны, врагами праведников и Агнца³⁸⁹. Исключение составляет сам Давид, о котором в книге Самуила [в Первой книге Царств] сказано: «рыжеволосый, статный и с ясным взором³⁹⁰». Здесь мы имеем дело с нарушением ценностной шкалы, которое имеет место в любой символической системе. Для того чтобы система функционировала эффективно, необходим регулирующий клапан, необходимо исключение. Давид как раз и является таким исключением, и в этом смысле он предвос-

* Нужно заметить, что в изобразительном искусстве Средневековья ни Иаков, ни Ревекка не показываются с отрицательной стороны. Их хитрости и несправедливое поведение по отношению к Исаву не вызывают негативной оценки ни у богословов, ни у художников.

хищает Иисуса. Действительно, начиная с XII века сходный феномен обнаруживается в христианской иконографии, когда Христа в некоторых случаях, в частности в сцене с арестом и поцелуем, изображают рыжеволосым, как Иуду (илл. 1–5). Это — инверсия системы, которая делает систему еще более эффективной, и одновременно способ демонстрации того, как в конечном итоге могут сблизиться максимально противопоставленные друг другу полюса. И — самое главное — это проявление осмоса, происходящего между жертвой и палачом, между Иисусом и Иудой через предательский поцелуй.

В греческой и римской традициях рыжие волосы также воспринимались отрицательно. Греческая мифология, к примеру, награждает рыжей шевелюрой Тифона, — чудовищное создание, мятежного сына Геи, восставшего против богов и особенно против Зевса. Диодор Сицилийский, греческий историк I века до нашей эры, рассказывает, как «некогда» Тифону, дабы смирить его гнев, приносили в жертву рыжеволосых людей. Легенда эта, возможно, пришла из Древнего Египта, где считалось, что Сет — бог, ассоциирующийся со злым началом, также был рыжим и, по словам Плутарха, ему в жертву приносили людей с волосами такого же цвета³⁹¹.

В Риме все не так кровожадно, однако и там рыжие были не на лучшем счету. Так, слово *rufus**, особенно в имперскую эпоху, является одновременно и прозвищем, обычно с оттенком насмешки, и одним из самых распространенных оскорблений. Как оскорбление это слово будут использовать на протяжении всего Средневековья, особенно в монастырской среде, где монахи в своей будничной жизни не стеснялись самым банальным образом обзывать друг друга *rufus* или *subrufus*** (что еще хуже)³⁹². В римском театре рыжие волосы или рыжеватые крылышки, прикрепленные к маскам, указывали на рабов или шутов. Наконец, во всех трактатах по физиогномике — по большей части восходящих к одному тексту III века до нашей эры, который приписывается Аристотелю, — рыжие, по образу и подобию лисы, описываются как люди лживые, хитрые и жестокие. На

* Рыжий (лат.). — Прим. ред.

** Рыжеватый (лат.). — Прим. ред.

Западе эта традиция просуществует в такого рода литературе практически до середины XIX века, а отдельные ее отголоски можно наблюдать до сих пор³⁹³.

В германо-скандинавском мире, где рыжие встречаются относительно часто и можно было бы рассчитывать на то, что отношение к ним будет а priori более благожелательным, дело обстоит примерно так же. Тор, самый свирепый и страшный из богов, — рыжий; Локи, демон огня, воплощение разрушительного и злого начала, породивший самых ужасных чудовищ, — тоже рыжий. Представления германцев — как, впрочем, и кельтов — о рыжих волосах ничем не отличаются от представлений евреев, греков и римлян³⁹⁴.

Средневековье, воспринявшее эту традицию из трех источников, лишь поддерживало ее и укрепляло. И все-таки своеобразие средневековой эпохи, на мой взгляд, состоит в том, что рыжий цвет постепенно приобрел специализацию, став цветом обмана и предательства. Конечно, на протяжении всего Средневековья, как и в Античности, рыжий по-прежнему значит жестокий, запятанный кровью, уродливый, подчиненный или смешной; но с ходом времени рыжий цвет волос начинает говорить о человеке в первую очередь как о притворщике, хитреце, лжеце, обманщике, изменнике, предателе или отступнике. К уже упомянутым предателям и изменникам из литературы и иконографии следует добавить рыжих отрицательных персонажей из дидактических сочинений, энциклопедий, книг об этикете и особенно поговорок. Действительно, даже в Новое время существовало множество поговорок, как на латыни, так и на народных языках, которые учили остерегаться рыжих. Нет им «никакой веры», утверждает, к примеру, в одной популярной в XIV–XVI веках поговорке; в других также говорится, что не следует заводить среди них друзей, признавать в них своих родителей, давать им духовное звание, возводить их на трон³⁹⁵. С конца Средних веков не менее широко распространяются и такие суеверия, согласно которым встретить на своем пути рыжего — это дурная примета, а все рыжеволосые женщины в той или иной степени колдуньи³⁹⁶. Рыжий всегда и везде является кем-то вроде парии, даже несмотря на то, что в жизни, как и в Библии, существуют некоторые исключения из общей для всей средневековой Европы цен-

ностной системы, исключения, которые действуют подобно регулируемому клапану. Среди таких исключений — Фридрих Барбаросса, который властвовал над Священной Римской империей с 1152 по 1190 год и имел при жизни множество врагов — его даже сравнивали с Антихристом — но зато после смерти стал персонажем эсхатологической легенды: он якобы спит где-то в горах Тюрингии, но перед концом света пробудится от сна, чтобы вернуть Германии ее былое величие³⁹⁷...

Историки, социологи, антропологи долгое время пытались объяснить такое неприятие рыжих в европейских традициях. С этой целью они выдвигали различные гипотезы, в том числе и весьма сомнительные: как, например, те, что апеллируют к биологии и объясняют рыжий оттенок волос и кожи нарушением пигментации, связанным с некой формой генетического или этнического вырождения. Что такое этническое вырождение? Или даже генетическое? Такие лженаучные и, несомненно, опасные объяснения оставляют историка и антрополога в недоумении³⁹⁸. С их точки зрения неприятие рыжего цвета и всего, что с этим связано, имеет под собой основания культурного и иерархического порядка: во всяком обществе, в том числе у кельтов и скандинавов*, рыжий — это прежде всего тот, кто не похож на других, кто представляет отклонение от нормы**, кто принадлежит к меньшинству, а следовательно, нарушает порядок, вызывает тревогу или негодование. Рыжий значит другой, непохожий, отверженный, исключенный. Нет никакой необходимости привлекать маловероятный и опасный тезис об «этническом вырождении» для того, чтобы уяснить причины и мотивы этого явления, жертвами которого в долговременной перспективе стали рыжеволосые мужчины и женщины Европы.

* В противоположность широко распространенному ложному представлению, рыжих в Скандинавии, а также в Ирландии и Шотландии не больше, чем блондинов. Напротив, здесь они, как и в средиземноморских обществах, оказываются в меньшинстве, даже если это меньшинство в количественном и пропорциональном отношении более весомо, чем в других странах.

** Расхожее подтверждение этому факту обнаруживается в современном спортивном дискурсе, где всегда отмечается присутствие в команде (особенно футбольной) игрока с рыжими волосами; такого внимания не обращают ни на брюнетов, ни на блондинов, ни даже на лысых. Рыжий на спортплощадке, как и любом другом месте, — это отклонение от нормы.

Красный, желтый и пятнистый

Речь идет в первую очередь о социальной семиотике: рыжий является в полной мере рыжим только с точки зрения окружающих и только в той степени, в какой он противопоставлен брюнету или блондину. Но в рамках средневековой культуры речь также идет и о цветовой символике. Рыжий — это не просто цветовой тон; со временем рыжий практически превратился в отдельный цвет, цвет девальвированный, «самый уродливый из всех цветов», как заявляет автор составленного в первой половине XV века геральдического трактата³⁹⁹, по мнению которого, в рыжем соединились все негативные характеристики красного и желтого.

На самом деле все цвета могут быть истолкованы как положительно, так и отрицательно⁴⁰⁰. Даже красный цвет не является исключением из этого правила, хотя на Западе очень долгое время, с древнейших времен и до XVI века, он был главнейшим из всех цветов, цветом *par excellence*. Существует хороший и плохой красный — точно так же, как существуют хороший и плохой черный, хороший и плохой зеленый и т. д. В Средние века плохой красный является противоположностью божественного и христологического белого и напрямую отсылает к дьяволу и преисподней. Это цвет адского пламени и лица сатаны. Если до XII века тело и голова князя тьмы на изображениях могли быть разных, обычно темных цветов, то после этого времени он все чаще изображается с алыми волосами и красным лицом. В широком смысле, все существа с красной головой или волосами считаются в той или иной степени дьявольскими (начиная с лиса, который даже является образом Лукавого), а все, кто эмблематизирует себя с помощью красного цвета, в той или иной мере имеют отношение к преисподней. Как, например, многочисленные *алые рыцари* из артуровских романов XII–XIII веков, то есть рыцари в красной одежде, в красных доспехах и с красными гербами, которые встают на пути героя, чтобы бросить ему вызов или убить: они всегда движимы дурными намерениями и готовы к кровопролитию, а некоторые из них являются выходцами из потустороннего мира. Самый известный среди них — рыцарь Мелегант, сын короля и при этом предатель, который в романе Кретьена де Труа «Рыцарь телеги» похищает королеву Гвиневеру.

Данные антропонимики и топонимики подтверждают отрицательный смысл красного цвета. Места, в названия которых входит слово «красный», часто считаются опасными, особенно в литературной или воображаемой топонимике. Что касается прозвищ «Красный» или «Рыжий», то они встречаются довольно часто и почти всегда имеют уничижительный оттенок: иногда они применяются к рыжеволосым или краснолицым людям; иногда напоминают о присутствии в одежде человека позорной метки соответствующего цвета (у палачей, мясников, проституток); иногда — и это характерно для литературной антропонимики — подчеркивают кровожадность, жестокость или дьявольскую природу того, кто носит эти цвета⁴⁰¹.

Во многих отношениях этот «плохой» красный цвет как раз и был в средневековом восприятии цветом рыжего апостола-изменника Иуды, из-за предательства которого пролилась кровь Христова. В Германии в позднем Средневековье была распространена игра слов, построенная на этимологическом возведении прозвища Искарriot, *Iskariot* («человек из Кариота») к *ist gar rot*: это означало, что он «является совершенно красным». Но красный — не единственный цвет Иуды; другим его цветом является желтый: это цвет его одежды, в котором он все чаще и чаще появляется на изображениях с конца XII века (илл. 5). Ведь быть рыжим значит сочетать кровавый и inferнальный красный (то есть связанный с дурной кровью и дурным пламенем) со лживым и вероломным желтым. Столетие за столетием желтый цвет продолжал сдавать позиции в европейских цветовых системах. Хотя в Риме желтый цвет все еще был одним из самых популярных и даже считался сакральным, играя важную роль в религиозных обрядах, он постепенно был вытеснен на периферию и затем отвергнут. Как показывают опросы, посвященные теме цветовых предпочтений, желтый до сих пор является нелюбимым цветом; именно он всегда оказывается на последнем месте среди шести базовых цветов: синий, зеленый, красный, белый, черный, желтый⁴⁰². Неприятие этого цвета восходит к Средневековью. Девальвация желтого цвета засвидетельствована уже в XIII веке, когда в многочисленных литературных и энциклопедических текстах он уже представлен как цвет лицемерия и лжи и когда он мало-помалу становится цветом евреев и иудейской общины. Начиная с 1220–1250-х годов христианская изобразительная

традиция периодически использует его в этом качестве: отныне еврей — это персонаж, одетый в желтое либо имеющий желтую метку на одном из предметов одежды: на платье, плаще, поясе, рукавах, перчатках, штанах и особенно на головном уборе⁴⁰³. Со временем этот обычай из разряда изображаемых и воображаемых переходит в разряд реально существующих: так, в некоторых городах Лангедока, Кастилии, северной Италии и долины Рейна предписания, касающиеся одежды, обязывают членов еврейских общин использовать отличительные знаки, в которых часто присутствует желтый цвет⁴⁰⁴. Желтая звезда отчасти восходит именно к этим обычаям, однако ее подробная история пока еще не написана.

Несмотря на обширную библиографию, знаки и метки, временные евреям в средневековых обществах, пока еще изучены плохо. В противоположность поспешным выводам, к которым пришли некоторые авторы⁴⁰⁵, в христианском мире не было единой системы, до XIV века не существовало даже устойчивых обычаев в отдельно взятой стране или области. Конечно, желтый цвет — в изображениях традиционно ассоциирующийся с синагогой — становится с этого периода самым распространенным⁴⁰⁶. Однако долгое время городские и королевские власти также предписывают ношение одноцветных знаков — красных, белых, зеленых, черных; либо двуцветных — рассеченных, пересеченных или четверчастных и сочетающих желтый и красный, желтый и зеленый, красный и белый, белый и черный цвета. До XVI века цветовые сочетания столь же многочисленны, как и форма знака: это может быть кружок — самый частый случай, — кольцо, звезда, фигура в виде скрижалей или же обычная повязка, колпак и даже крест. Если это знак, который нашивают на одежду, то носить его могут и на плече, и на груди, и на спине, и на чепце или колпаке, иногда сразу на нескольких местах. Здесь также нет общих правил⁴⁰⁷. В качестве одного из самых ранних примеров приведем в переводе на современный французский язык текст указа Людовика Святого 1269 года, который предписывает всем евреям французского королевства носить кружок желтого цвета:

Так как мы желаем, чтобы евреев можно было распознать и отличить от христиан, мы повелеваем обязать всех евреев, и мужчин, и женщин, носить знаки отличия: а именно колесо из войлока или

сукна желтого цвета, нашитое на верхнюю часть одежды на уровне груди и на спине как опознавательный знак. В поперечине колесо это пусть будет шириною в четыре пальца, и такого размера, чтобы на нем умещалась ладонь. Если по введению сего распорядка еврея увидят без этого знака, то верхняя часть его одежды будет принадлежать тому, кто застанет его в таком виде⁴⁰⁸.

Возможно, неумеренное использование золота и позолоты во всех сферах художественного творчества и, стало быть, в большинстве эмблематических и символических систем способствовало тому, что желтый в конце Средневековья приобретает репутацию дурного цвета — в каком-то качестве и применяется. Золото одновременно является материей и светом; в нем в наивысшей степени проявлены такие качества цвета, как яркость и насыщенность, которые пользовались особым спросом в позднем Средневековье. Тем самым золото со временем начинает выполнять функцию «хорошего желтого», а все другие оттенки желтого утрачивают ценность. Это касается не только желтого, тяготеющего к красному, похожего на рыжий цвет волос Иуды, но и желтого с оттенком зеленого, который мы сегодня называем «лимонно-желтым». Желто-зеленый, а вернее говоря, сочетание или сопоставление желтого и зеленого — двух цветов, которые никогда не сближались в средневековых цветовых классификациях, — в средневековом восприятии, видимо, представляло собой нечто агрессивное, сумбурное, тревожное. В сочетании друг с другом эти цвета ассоциируются с нарушением порядка, сумасшествием, расстройством чувств и рассудка. Они появляются в костюмах придворных шутов и буфонов, в одежде безумца из книги Псалмов и прежде всего в одежде Иуды, желтый плащ которого в XIV–XVI веках часто сочетается с другим предметом одежды зеленого цвета.

Однако быть рыжим значит не только соединять в себе негативные качества двух цветов — красного и желтого. Быть рыжим значит иметь кожу, усеянную веснушками, быть пятнистым, а следовательно, нечистым, и в какой-то мере воплощать в себе животное начало. Пятнистое вызывает у средневекового человека отвращение. В его восприятии красивое значит чистое, а чистое значит однородное. Рисунок в полоску всегда имеет уничижительное значение (точно так же, как и крайнее прояв-

ление этой структуры — шахматная клетка)⁴⁰⁹, а пятнистое выглядит особенно вызывающе. В мире, где люди часто болеют различными тяжелыми и опасными кожными заболеваниями и, если их коснулось самое страшное из них — проказа, — оказываются исключены из общества, такое восприятие вовсе не удивительно. Для средневекового человека пятна — это всегда нечто загадочное, нечистое и постыдное. Из-за веснушек рыжий воспринимается как больной, опасный, почти неприкасаемый. К этой — конспецифичной — нечистоте добавляются еще и животные коннотации, потому что у рыжего не только волосы как шерсть у обманщицы-лисы или похотливой белки⁴¹⁰, он еще и покрыт пятнами, как самые свирепые животные: леопард, дракон, тигр — трое грозных противников льва⁴¹¹. Рыжий не только лжив и хитер, как лис, но к тому же еще и свиреп и кровожаден, как леопард. Поэтому за ним закрепилась репутация людоеда: в этом качестве он иногда предстает в фольклоре и устной традиции вплоть до середины XVIII века.

Все левши — рыжие

Религиозные изображения позднего Средневековья, особенно в рукописях, подвергались строгому контролю. С тех пор как искусство миниатюры частично перешло в руки мирян, возросла опасность менее единообразного или слишком свободного кодирования изображений, а вместе с тем — и риск смысловых сдвигов или вчитывания смыслов. Отсюда — строгая регламентация выбора изображаемых сцен и их проработки. А также всякого рода избыточность в изображении персонажей. Десятилетие за десятилетием изображения становились все более и более акцентированными, особенно если речь идет об отрицательных персонажах. Предатель должен безошибочно считываться как предатель. Поэтому следует умножать признаки и атрибуты, которые помогают опознать его как такового.

Образ Иуды в данном случае показателен. С начала XIV века рыжей шевелюры оказывается недостаточно, зверской гримасы — мало, «гносной рожи преступника» — тоже. Теперь знаки отличия, которыми прежде была маркирована голова, заменяются и подкрепляются другими знаками — на теле и одежде. Отсюда

избыток специфических атрибутов и черт, о которых речь шла в самом начале. Одна из таких черт связана с жестикуляцией, а именно — с леворукостью, которая все чаще и чаще встречается в эмблематическом арсенале апостола-предателя. Иуда постепенно превращается в левшу! Теперь кошелек с тридцатью сребрениками он берет (и отдает) именно левой рукой; левой рукой он держит за спиной украденную рыбу, на Тайной вечере левой рукой подносит ко рту кусок хлеба, указывающий на него, как на предателя, а затем, когда наступает раскаяние, ей же закрепляет веревку, чтобы повеситься. Конечно, Иуда не всегда рыжий и не всегда левша. Однако эта особенность встречается достаточно часто — особенно на фламандских и немецких изображениях, — чтобы привлечь к себе внимание. Тем более что в средневековой изобразительной традиции персонажи-левши — весьма редкое явление.

Когда-то я занялся составлением корпуса изображений, на которых фигурируют левши; мое начинание было продолжено Пьером-Мишелем Бертраном, чьи недавние работы по истории левшей теперь общепризнанны⁴¹². Пусть в количественном отношении урожай подобных изображений скуден, зато он показателен в качественном отношении. Все левши в средневековой иконографии — в том или ином смысле персонажи отрицательные. Будь то герои первого плана, будь то третьестепенные статисты, занятые каким-нибудь бесчестным или предосудительным делом, которых художник размещает на краю изображения или в глубине сцены. Среди них попадают некоторые из упомянутых выше изгоев и отверженных, в частности мясники, палачи, жонглеры, менялы и проститутки. Но главным образом левши в средневековой изобразительной традиции встречаются среди нехристиан (язычников, евреев, мусульман) и в мире преисподней (Сатана, демонические создания): здесь властители и предводители командуют и повелевают левой рукой, рукой злой и губительной; а солдаты и прислужники левой рукой исполняют их приказания. Мир зла — в какой-то степени — является миром левшей.

Нет необходимости останавливаться здесь на уничижительном значении левой руки. В исследованиях, подтверждающих существование этой традиции в большинстве культур, и в том числе,

конечно же, в культурах европейских, недостатка не наблюдается⁴¹³. Средневековье наследует ее из трех источников, о которых упоминалось выше: Библии, греко-римской и германской культур*. В Библии, в частности, неоднократно подчеркивается превосходство правой руки**, правой стороны, места справа и, наоборот, неправильность или порочность всего, что находится по левую сторону. В этом отношении один фрагмент из Евангелия от Матфея служил особенно ярким примером для людей Средневековья. А именно последняя речь Иисуса, произнесенная перед его страстями, речь эсхатологическая, предвещающая возвращение Сына человеческого:

... и соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов; и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов — по левую. [...] Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его [...]⁴¹⁴.

В средневековой христианской культуре левая рука — это рука врагов Христовых. Поэтому на некоторых изображениях ей пользуются судьи Христа (Каиафа, Пилат, Ирод) или палачи: те, кто его связывает, бичует, прибывает к кресту, продолжает его истязать, когда он уже распят. А так как левая рука также является рукой Сатаны и его отродий, то предатели, еретики и неверные совершают ей свои злодеяния. В число таковых, разумеется, входит и целая вереница рыжих изменников, о которых уже упоминалось ранее: Каин, Далила, Саул, Ганелон, Мордред.

* Напомним в этой связи, что в старо- и среднефранцузском слово *gauche*, образованное от франкского глагола **wankjan*, означающего «качаться», обозначало нечто «косое», «кривое», «деформированное» (значение, которое сохранилось в современном французском). Для обозначения левой стороны используется слово *senestre*, образованное от латинского *sinister*, которое уже имело двойное значение «левый» и «неблагоприятный». Только в XVI в. слово *senestre* окончательно вытесняется словом *gauche*, которым теперь обозначается левая рука или левая сторона.

** Существует, однако, исключение, так же как и в случае с рыжим цветом выполняющее регулирующую функцию: Аод, судья израильский, — левша; используя эту свою особенность, он убивает царя Моавитского и освобождает израильтян от моавитян (Суд 3:15–30).

ЦВЕТ

Для них, так же как и для Иуды, принятых эмблематических атрибутов становится недостаточно — и в XIV–XV веках их порочность проявляется еще и в жестах. Так, Каин (*илл. 6*) убивает Авеля левой рукой (обычно заступом или ослиной челюстью); Далила левой рукой отстригает волосы Самсону; Саул убивает себя копьем или мечом, держа их в левой руке; Ганелон и Мордред (один — предатель из эпической литературы, другой — из артуровского романа) иногда сражаются левой рукой.

Конечно, эти четверо персонажей, так же как Иуда, — не всегда левши. Однако можно заметить: если они левши, то они одновременно и рыжие. Точно так же, начиная с середины XIV века, рыжими становятся палачи, вероломные рыцари и свирепые персонажи, орудующие левой рукой. И хотя не все рыжие в западной изобразительной традиции — левши, зато все, или почти все левши с этих пор и на несколько десятилетий вперед становятся рыжими.